

С.А. ШАВЕЛЬ,
ДОКТОР СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК (МИНСК)

СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА НИГИЛИЗМА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Рассматривается нигилизм как социокультурный феномен, его исторические и современные формы. Раскрывается генезис понятия, его трансформация в философии Ницше, соотношение нигилизма и девиации в повседневной практике. Обосновывается возможность использования методического опыта изучения отклоняющегося поведения для социологического исследования современного нигилизма.

Both nihilism as a socio-cultural phenomenon and its historic and modern forms are considered. The genesis of the concept, its transformation in the philosophy of Nietzsche, the correlation of nihilism and deviation in everyday practice are disclosed. A possibility to use the methodological experience of learning deviant behavior to sociological researching of modern nihilism is given grounds for.

Постановка проблемы

В социологии нигилизм как социокультурное явление не получил сколько-нибудь заметного освещения; в социологическом словаре нет даже такого термина. Это связано с тем, что в ряде философских учений и направлений искусства ему придан сюрреалистический оттенок: отрицание ради отрицания, обесмысливание человеческой жизни, абсурдность бытия, хаотизация мира и т. п. Если обратиться к известным философским определениям, то нетрудно заметить, что в них инвариантен только предикат «отрицание» без указания на то, что отрицается, ради каких целей и т. д. Такие термины, как писал Р. Мертон, «рассматриваются многими неспециалистами как оскорбление их интеллекта и преступление против общедоступности науки»¹. Но и для профессионального социолога серьезной проблемой является интерпретация и операционализация такого понятия, как «нигилизм». Вполне очевидно, что ось «отрицание – утверждение» – одна из линий повседневной жизнедеятельности каждого человека. Никто из здравомыслящих людей не может бездумно все отрицать или, наоборот, принимать. Постоянный процесс селекции условий, факторов и др. осуществляется таким образом, чтобы на место того, что отрицается (устраняется), поставить нечто новое и лучшее (идея перфекционизма, т. е. усовершенствования). Нигилизм в ницшеанском варианте требует «переоценки ценностей», но для целей эмпирического анализа это ничего не меняет, пока не конкретизированы аксиологические объекты.

На первый взгляд может показаться, что в современном мире нигилизм если и сохранился, то только в некоторых направлениях философии – экзистенциализм, постмодернизм и др., искусства – сюрреализм, декаданс, дадаизм и пр., интеллектуальных играх типа известных «поддавков». Стоит, однако, присмотреться внимательнее, как обнаруживаются его проявления в разных сферах повседневной практической жизни и деятельности. Безусловно, он мимикрирует, маскируется, стремится к внешне благообразным формам и ипостасям. Кто сегодня скажет, как Ницше, что «макиавеллизм – образец совершенной политики, он сверхчеловечен, божественен, трансцендентен»². Кто повторит за Базаровым: «В теперешнее время полезнее всего отрицать – мы отрицаем». А ведь совсем недавно отрицание «этой страны» (имелся в виду СССР) со всеми ее ценностями для некоторых было не просто полезно, но и весьма выгодно, чем они и воспользовались.

Современный нигилизм многолик, но суть его прежняя – циничное попрание нравственных норм, укорененных в ценностном сознании социума, сегрегация (отделение, удаление) тех, кто придерживается иного образа мысли и жизненных смыслов. Что такое коррупция, nepotизм (кумовство), клановость, лоббизм, если не нигилизм. А сознательное расшатывание семейных устоев, института брака, деторождения новоявленными «скопцами», в числе которых и представители сексуальных меньшинств, и гедони-

сты разных толков. Сюда же следует отнести и финансовых спекулянтов, пирамидостроителей, лохотронщиков, рэкетиров, приватизаторов (без выкупа) и пр. Казалось бы, фундаменталистов следовало бы отнести к другому лагерю так называемого пассаизма, т. е. в стан приверженцев прошлого, но это лишь формальное отличие, содержательно же они воинственно нигилизируют смысл и ценности настоящего.

Конечно, социологи, так же как и культурологи, политологи, психологи, изучают такие явления, но так как термин «нигилизм» неоперационализируем, то используются иные понятия, прежде всего девиация и ее производные, а также аномия, нонконформизм и др. Еще один, важный для социологического анализа аспект связан с тем, что нигилизм выступает против убеждений. Мы уже отмечали социологический смысл и значение категории «убеждения». «На ее основе формируется тип личности, определяются жизненные стратегии, мировосприятие, особенности взаимоотношений с людьми и социальными институтами»³.

Генезис нигилизма как социокультурного явления

Нигилизм (от лат. nihil – ничто) – одно из самых противоречивых, во многом парадоксальных, часто эпатажных воззрений, захватывающих различные формы общественного сознания, культурной жизни – литературу, искусство, СМИ, а также сферу общения и повседневных поведенческих практик. Как интеллектуальный продукт нигилизм строится на отрицании, он паразитирует на извечной неудовлетворенности человека достигнутым – знаниями, условиями жизни, общественным положением и т. д. и на неукротимом стремлении к переменам, улучшениям, усовершенствованиям. На обыденном уровне и сегодня (хотя этот тип далеко не столь моден, как на рубеже XIX–XX вв.) нигилистом назовут того, кто отказывается признавать очевидное; центрируется на недостатках чего угодно – погоды, природы, своей профессии, партнера, общества, выискивает пороки и абсолютизирует их; не верит, подобно Мерзляеву – известному герою, сыгранному О. Басилашвили в кинофильме Э. Рязанова «О бедном гусаре...», в благородство простого человека, да и вообще в доброе начало.

Впервые этот термин в его этимологическом смысле употребил немецкий философ и писатель Ф.Г. Якоби в связи с критикой пантеизма, который, по его мысли, не только устраняет Бога, растворяя его в природе, но и элиминирует всякую веру. Тогда же И.Г. Фихте, отбиваясь от обвинений в атеизме, доказывал, как пишет Э. Кассирер, что его учение «означает не отрицание Бога, а отрицание мира, не атеизм, а акосмизм... он также не побоился упреков в том, что его идеализм в конечном счете ведет к чистому нигилизму»⁴. Здесь термин «нигилизм» употребляется в его религиозном значении, восходящем к представлениям о разрыве, отчуждении и противопоставлении человека и внешнего мира. Особенно это характерно для буддизма и индуизма, предлагающих в качестве средства спасения нирвану как состояние отрешенности от жизни, при котором более не действует закон кармы. Природа, по Фихте, всего лишь препятствие для человека, который вынужден преодолевать его в своих практических действиях, чтобы тем самым приблизиться к тождеству с самим собой. Выделяя главное в своем воззрении, он подчеркивает, «что оно представляет собой нигилизм, т. е. строгое доказательство **абсолютного ничто** вне единой незримой жизни, именуемой Богом»⁵. Не вдаваясь в демиургические аспекты (Творец и его творение), отметим, что такое понимание не согласуется с естественнонаучным мировоззрением («картиной мира») даже у таких ученых, которые были действительно глубоко верующими людьми, как Ньютон, Павлов и др. Ведь «абсолютное ничто» беспредметно и, следовательно, наука невоз-

можно. Для Фихте, центральной темой философии которого было «наукоучение», такой подход тем более нелогичен, ибо ведет к разрыву сознания, как это было, например, у Ж. Мелье, который всю жизнь проповедовал одно, но, как выяснилось из посмертных публикаций, думал и верил в прямо противоположное. Противоречит это и идее «расколдования мира», которую М. Вебер назвал «великим историко-религиозным процессом... отказа от магии таинств как пути к спасению»⁶.

Но в европейскую культуру нигилизм как общественное явление вошел с подачи И.С. Тургенева, создавшего яркие образы его представителей. Рассказывая о прототипе главного героя романа «Отцы и дети» Базарова, которым был молодой провинциальный врач, Тургенев писал: «В этом замечательном человеке воплотилось – на мои глаза – то едва народившееся, еще бродившее начало, которое потом получило название **нигилизма**»⁷. Новый термин не требовал перевода и быстро вытеснил исконно русское слово «отрицатель». Вскоре, однако, Тургенев был потрясен переменой смысла этого термина. Сам он к «истинным отрицателям» относил Белинского, Бакунина, Герцена, Добролюбова, подчеркивая, что эти люди руководствуются «вовсе не чувством какой-нибудь личной обиды, личного негодования, а лишь чуткостью к требованиям народной жизни»⁸. Слова Достоевского «все мы нигилисты» также свидетельствуют об этом. Такими были лучшие представители разночинной интеллигенции, «шестидесятники», выступившие против крепостного права, самодержавия и других проявлений феодализма. Но спустя год, во время грандиозных пожаров в столице, Тургеневу многие говорили: «Посмотрите, что ваши нигилисты делают! Жгут Петербург!»⁹ Нигилистами стали называть поджигателей, бомбистов, анархистов, террористов – всех, кто ради личных или групповых амбиций готов принести в жертву невинных людей.

Нигилизмодияца Ницше

Но еще большие метаморфозы данное понятие претерпело в Европе благодаря прежде всего Ф. Ницше. Заимствовав термин «нигилизм» у Тургенева, Ницше посвятил его анализу отдельную книгу, которую некоторые до сих пор считают культовой: «Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей». В интерпретации Ницше нигилизм приобретает тотальный характер, становится «негативизмом» в социальном смысле, «нонконформизмом» в плане психологии, «вопрекизмом» как художественный метод, предлагающий все делать наоборот, вопреки тому, что вошло в жизнь и нравится людям, пусть и не всем, но многим. Начав с опровержения морали как «рокового заблуждения, созданного Заратустрой»¹⁰, Ницше подверг «негации» (термин Хайдеггера) высшие ценности – философию, религию, искусство, истину, справедливость, добро, красоту, идеалы и т. д., а вместе с ними и культурные традиции, преемственность знаний и опыта, социальные институты, кроме, пожалуй, армии. «Меня **радует** военное развитие Европы, а также анархизм во внутренних состояниях»¹¹, – пафосно заявляет Ницше. Философу не приходит в голову мысль, а с кем будет воевать милитаризованная Европа, не с Африкой же... Предметом анализа для Ницше выступает «нечто, подлежащее **отрицанию**... История, природа и сам человек»¹². Ницше откровенничает: «Я исполнен подозрения и злобы к тому, что называют “идеалом”»: до сих пор победа идеала всякий раз была **движением вспять**»¹³. Если, как принято считать, об уровне культуры можно судить по отношению к женщине, то ницшеанство оказывается вне этой сферы. Заратустра говорит: «Женщины – это кошки, или птицы, или, в лучшем случае, коровы». Он же наставляет: «Идешь к женщинам? Не забудь

плетку»¹⁴. В «Воле к власти» Ницше рассуждает о защите Европы «от угрожающего ей *marasmus femininus* – женского маразма»¹⁵.

Такой нигилизм радикально отличается от тургеневских образов. Его воплощение, да и то только в одной области искусства, можно найти в известном пролеткультовском слогане, зарифмованном поэтом В. Кириловым: «Во имя нашего завтра // сожжем Рафаэля, разрушим музеи // растопчем искусства цветы»¹⁶.

Данное направление предлагало также выбросить за борт Пушкина и Толстого, Глинку и Чайковского, Репина и др.; «расплавить Минина и Пожарского, как “двух лавочников”, зря спасших “Росею”»¹⁷. Какой же в этом смысл, кроме эпатажа, вряд ли сами авторы понимали. И Ницше писал: «Что обозначает нигилизм? То, что **высшие ценности теряют свою ценность**. Нет цели. Нет ответа на вопрос “зачем?”»¹⁸ Парадокс уже в том, что этот вопрос он обращает к ценностям, к обществу, но не к нигилистам, тем более не к самому себе как, по его оценкам, «совершенному нигилисту», «первому имморалисту» и пр. Здесь же Ницше поясняет: «Сознание отсутствия всякой **ценности** было достигнуто, когда стало ясно, что ни понятием “цели”, ни понятием “единства”, ни понятием “истины” не может быть истолкован общий характер бытия; в конце концов, нет более основания убеждать себя в бытии **истинного мира**»¹⁹. Казалось бы, последние слова следует понимать так, что мир по каким-то причинам изменился, его бытие приобрело ложный характер; и лишь затем появляются люди, способные заметить данную инверсию, придать ей теоретическую форму и мировоззренческий статус, – они и есть нигилисты. В такой логике была бы осмысленность и психологическая оправданность. Тем более что метафизически «бытие» у Ницше есть обобщенное понятие «жизнь». «Бытие – мы не имеем никакого иного представления о нем, как “жить”. Как же может “быть” что-нибудь мертвое?»²⁰ Однако Ницше отвергает подобный ход рассуждений, заявляя, что категории, «посредством которых мы сообщаем миру ценность, снова **изъемяются** нами – и мир кажется обесцененным»²¹. Следовательно, дело не в том, каков мир, это человек, меняя точку зрения, придает ему иную интерпретацию. Но так ли просто изъять из обихода хотя бы одну категорию, если она укоренилась в общественном сознании, имеет жизненно важное значение и соответствует потребностям людей и их повседневным практикам деятельности и коммуникации. Возьмем, к примеру, категорию цели как предвосхищение результата и интегратора проектируемых человеческих действий. Сам Ницше, безусловно, имел цель – иначе он не создавал бы свои произведения. Более того, у него была и высшая мессинская сверхзадача по «облагораживанию человечества»; не чужда была ему и мысль о том, чтобы стать первым в ряду великих немецких философов, а значит, и всей мировой философии. Препим философам, по его оценке, не хватало: «1) исторического чувства; 2) знания физиологии; 3) **цели, направленной на будущее**»²² (выделено нами. – С. Ш.). Можно ли сомневаться в наличии и правильном понимании цели и смысла жизни, скажем, Сократа, отказавшегося перед казнью от подготовленного учениками побега и просившего только об одном: «Когда подрастут мои сыновья, наказывайте их, афиняне, если они будут больше заботиться о богатстве или о чем другом, чем о добродетели»²³. Но Ницше третирует Сократа за его любовь к истине, за добродетель и диалектику. Для него Сократ «мещанин с головы до ног», «клоун», «буффон», т. е. по природе низкий человек и т. п. Нет сомнения, что и подавляющее большинство известных философов правильно понимали и свои личные цели, и цели тех государств и народов, к которым они принадлежали, даже всего человечества. Кант видел цель

философии в обосновании «вечного мира», Гегель – не просто мечтал, но и интеллектуально готовил Германию к объединению в единое государство; можно назвать и других, о которых Ницше отзывается уничижительно. Но сказать о Гегеле, что «его популярная сторона – учение о войне и великих людях»²⁴, мог только нигилист от философии.

Если бы при обсуждении категории цели речь шла о телеологических представлениях, о «целях» природы, эволюции, прогресса и т. п., то следовало бы учесть разработки по данной проблеме И. Канта. Но Канта Ницше, можно сказать, используя его же термин, «нигилизирует», называя «огородным пугалом», видимо, за трактат «О вечном мире»; «неважным психологом, догматиком», «лишенным оригинальности» – за учение о категорическом императиве и долге.

В общем, хотя автор десятки раз обращается к категории цели, его толкования не отличаются ни глубиной, ни ясностью, кроме только того, что ее необходимо по задуманной схеме убрать, ибо цель связана со смыслом, значением, целеполаганием, целерациональностью и т. д., т. е. с социологической проблематикой, разрабатывавшейся современником Ницше М. Вебером, о котором он не упоминает. Одним словом, пока есть цель как человеческая антиципация результата или даже как «мудрость мирового разума», по Гегелю, – философский нигилизм невозможен. Конечно, следует учитывать, что попытки его обоснования предпринимались издавна и в многообразных формах – от солипсизма, агностицизма до акосмизма, скептицизма и пр. Как правило, они направлялись против стихийных представлений обычного человека, складывающихся естественным путем, а позже – против онтологических констант естествознания как референтов объективной реальности.

Рассматривая психологические предпосылки «падения космологических ценностей», Ницше приходит к следующему выводу: «**Вера в категории разума** есть причина нигилизма, мы измеряли ценности мира категориями, которые относятся к чисто вымышленному миру»²⁵. Будь это критика гегелевского панлогизма с его абсолютизацией разума или кантовских непознаваемых «вещей в себе», она имела бы смысл, была бы даже в чем-то продуктивной, хотя, конечно, и не новой. Но здесь нигилизм состоит в отрицании объективности мира и рациональной ступени познания вместе с картиной мира, истиной, критериями научности. Да, наука имеет дело с «вымышленным миром», сегодня сказали бы «виртуальным», но это мир формул, чисел, абстракций, моделей и других средств познания реальности, существующей вне познающего субъекта. Социальная реальность также включает не только институты, учреждения, производственные и инфраструктурные объекты и пр., но и всю совокупность верований, норм, традиций, которые передаются от поколения к поколению. Подчеркивая их объективный характер, Дюркгейм отмечал: «Верующий при рождении своем находит уже готовыми верования и обряды своей религии; если они существуют до него, то, значит, они существуют вне его»²⁶. Для Ницше такого рода идеи и основанные на них ценности, конечно, не приемлемы; даже намек на объективное существование кантовских «ноуменов» вызывает у него сильнейшее раздражение. «Физики верят “в истинный мир” на свой лад, – пишет Ницше. – Но в этом они заблуждаются. Атом, гипотетически построенный ими, выведен путем умозаключения, силой логики – он поэтому и сам также является **субъективной фикцией**»²⁷.

А между тем первая современная научная теория атома была создана в 1803 г. Дж. Дальтоном. В конце XIX в. шла активная работа по созданию модели атома и вскоре (10.11.1908 г.) Резерфорд получил Нобелевскую премию за расщепление атома²⁸. Гносеологические изыскания автора, в частности

биологизация познания, предложения заменить логику как «веру в категории разума» физиологией и т. п., также не учитывают достижения науки того времени, таких ученых, как И. Павлов, И. Мечников, Г. Мендель, И. Сеченов и др. Постепенно философский нигилизм сменяется этическим, т. е. отрицанием морали и религии, демонстративным имморализмом и антитеизмом. На этой «расчищенной почве» Ницше строит свою новую аксиологию, в центре которой «воля к власти». «Мы, **имморалисты**, теперь **главная сила**: другие великие власти нуждаются в нас... Мы строим мир по подобию своему»²⁹.

В нашей литературе часто акцентируют внимание на пророческих предсказаниях автора о надвигающейся деградации европейской культуры, предчувствии катастрофизма и др. «Значение Ницше как мыслителя, – по словам С.Ф. Одуева, – определяется именно тем, что он первым среди буржуазных философов угадал и поставил “роковые” вопросы декаданса и нигилизма, разложения буржуазной культуры и кризиса буржуазного общества, открывающиеся идеологу буржуазии, как вечное “быть или не быть”, и выразил их в необычно яркой, поэтически притягательной форме»³⁰. Часто цитируют известный афоризм Ницше о культуре, как тоненьком слое, под которым кипит вулкан неуправляемых страстей, инстинктов, хаоса. Известный советский философ М.К. Мамардашвили в этой связи отмечает: «Речь не о том, что Ницше был против цивилизации или христианства, но он показал – правда, разгулом неконтролируемых метафор, – что все это действительно не имеет смысла, если существует лишь на уровне ритуала, навязанного принуждения, если не выросло из силы каждого, из его внутреннего владения этим и потребности в этом»³¹. Вместе с тем относительно книги «Воля к власти» некоторые исследователи полагают (доказать это трудно), что сестра автора и ее помощники при подготовке рукописи к публикации дополнили, изменили и в целом исказили многие мысли Ницше в угоду конъюнктурным соображениям. На наш взгляд, такие предположения сомнительны. Если иметь в виду нигилизм, то Ницше вовсе не пророчесствует, он сознательно лепит этот образ, конструирует само явление, совершенно не скрывая свой антидемократизм, милитаризм, элитизм, презрение к народу («стаду»), расистские замашки и пр. Можно сказать, что он творит «нигилизмодию», т. е. оправдание и благословение нигилизма. Не случайно его, нигилиста, В.В. Розонов метко назвал «мрачным демоном отрицания»³²; он и есть сверхчеловек, «белокурая бестия», лишенный чувств сострадания, эмпатии, альтруизма и освобожденный от религиозных заповедей если не христианства, то, например, зороастризма или язычества. Ницше якобы предупреждает о торжестве «грядущего хама», о «восстании масс». Но вернемся в конец XIX в. Германия, наконец, объединилась. Но разве массы требуют ее милитаризации и подготовки войны за передел колоний в 1914 г. или за мировое господство в 1939 г.; разве массам интересно искусство декаданса (не многие знают, что это такое); может быть, массы одержимы «волей к власти», но им важнее воля к труду, истине, справедливости, миру и т. д. В конце концов, не рабочие же придумали inferнальный лозунг над воротами концлагерей: «Работа делает свободным». Скорее во всем этом заинтересовано племя воинствующих нигилистов, которое укрепилось не без помощи Ницше, хотел он этого или нет, и, к сожалению, воспроизводится в самых разных формах. Сестра Ницше писала, что неверно было понято отношение автора к нигилизму и морали. «Нигилизм и нигилистичность ничего общего не имеет с какой-либо политической партией, но обозначает то состояние, при котором отвергаются ценности и смысл жизни, равным образом, и всякие идеалы»³³. Как тут не согласиться с саркастическим замечанием Р. Мертон в духе Ильфа и Петрова: «Нигили-

сты – это те, кто не верует в Бога и не ходит в баню». Действительно, если человек ходит в баню, то такого рода отрицания ему в голову не придут.

Справедливо суждение Хайдеггера: «Современные мировоззрения и идеологии покончили не только с “чистым бытием” и платоническими первоидеями, но и с “волей к власти”... Идеологии оперируют не отвлеченным “бытием”, а ценностями; “идеи” означают теперь не надмирные первообразы вещей, а силу, организующую и воспитывающую массы»³⁴. Снимая мещанский ригоризм, противопоставление сверхчеловека и массы, Хайдеггер поясняет, что сверхчеловек не сверхчувственный идеал и не какая-то выдающаяся личность (Ницше постоянно ссылается на Наполеона), он есть особый тип человечества, для которого лучше волить абсолютно пустое, ничто, чем вообще ничего не волить. И дальше добавляет: «Человеческая масса чеканит себя по типу, определенному ее мировоззрением»³⁵. Вопрос лишь в том, возможно ли мировоззрение конкретного человека при отсутствии у него убеждений. Нигилизм ведь начинается с попытки отказаться от убеждений, устранить их из личной жизни. Эту парадоксальную ситуацию Тургенев описал в романе «Рудин». Один из героев романа Пегасов возмущается, что люди претендуют на наличие у них убеждений, носятся с ними, требуют к ним уважения. На что Рудин возражает: «Что же, по-вашему, убеждений не существует?»

– Нет и быть не может.

– Это ваше убеждение?

– Да.

– Вот Вам одно на первый случай». Этот диалог напоминает известный в Древней Греции парадокс «лжец». Он, кстати, был бы уместен, когда Ницше говорит: «Истины нет, все ложно», если бы спросить: «А ваши мысли, ваши книги?» Что касается создания нового типа человека, вида, превосходящего Homo sapiens, чем бредил Ницше, то это фантастическая и опасная затея, о чем неоднократно предупреждал М.К. Мамардашвили³⁶.

Нигилизм как девиация

В социологии, как мы отмечали, термин «нигилизм» не получил широкого признания и не вошел в понятийный аппарат науки, т. е. в ту систему координат, которая используется для анализа поведения личности, а также социальных процессов и институтов. В то же время социология не может обойти проявления деструктивности на разных уровнях – от семьи, коллектива до общества в целом – с точки зрения поддержания социального порядка, стабильности и устойчивого развития социума. Если говорить о социокультурных корнях таких явлений, то глубинный источник, первый росток, как правило, находится в поле конфликта личности (группы) с существующей и легитимированной системой ценностей (о физиологических, психологических и других причинах в данном случае речи нет). Какие бы формы не принимал аксиологический конфликт, будь то отрицание, осознанная переоценка, уход как смена ценностного пространства и пр., суть его в нигилистическом антиконформизме. Иначе говоря, в нежелании или неумении следовать тем поведенческим моделям, выстроенным на определенных ценностных основаниях, которым следуют другие, уже потому, что они (модели) приняты на сегодняшний день в данном социуме и должны быть интернализированы всеми в процессе социализации. Почему так происходит – то ли личность переросла принятую систему ценностей, то ли эта система слишком ригористична и тормозит развитие личности, то ли изменились условия, а вместе с ними появились более высокие притязания, – все это составляет круг проблем научного направления, известного как социология девиантного поведения. Под девиацией понимается отклонение от того

жизненного пути, маршрут которого в общем и целом намечен обществом. Понятия «девиация» и «нигилизм» не тождественны. Но в них есть большая зона пересечения, определяемая аксиологической составляющей. Тем самым, обращаясь к социологическому анализу девиантного поведения, можно лучше понять и природу нигилизма.

Не имея возможностей рассматривать весьма обширную литературу по этому вопросу, обратимся к классической работе Т. Парсонса «Девиантное (отклоняющееся) поведение и механизмы социального контроля». В одном из обзоров Парсонс писал: «Возможно, самый важный случай – это проблема постоянства ценностей, противостоящая изменению ценностей в американском обществе»³⁷. Имеется в виду достаточно острая дискуссия, в которой Парсонс выступил против релятивизма, плюрализма и т. п., доказывая необходимость сохранения ценностей и раскрывая механизмы, с помощью которых можно поддерживать их постоянство (социальный контроль, воспитание, СМИ и др.). Как видим, его позиция в корне расходится с нигилистическими требованиями Ницше и других о немедленной переоценке ценностей. Для США – это не только не нужно, но и вредно – таков лейтмотив его исследований в области девиации. По мнению Парсонса, девиантность может быть определена двумя способами. «В первом случае девиантность – это мотивированная тенденция актора вести себя вопреки одному или нескольким институционализированным стандартам. Во втором случае – это тенденция со стороны одного или более составляющих систему акторов вести себя таким образом, который нарушает равновесие процесса взаимодействия (его статическое или динамическое равновесие)»³⁸.

Итак, в первом случае речь идет о поведении вопреки стандартам; обратим внимание – не вопреки партнеру, или, скажем, руководителю, а именно стандартам. В свою очередь, стандарт есть содержащаяся в общей культурной модели определенная норма, которая «является приемлемым или в некотором смысле одобряемым поведением»³⁹. Но это возможно только потому и до тех пор, пока в конкретном социуме существует и воспроизводится постоянство ценностей. Поскольку нормативные стандарты интернализированы, социальные ожидания состоят в требовании конформного поведения от каждого. Такую ситуацию допустимо сравнить с правилами дорожного движения, хотя, конечно, деятельность может осуществляться в самых разных сферах – политике, экономике, здравоохранении, поддержании общественного порядка, осуществлении правосудия и т. д. Поставить вопрос об отрицании ценностей, или, по-другому, нормативных стандартов поведения, равносильно отмене правил дорожного движения со всеми последствиями для безопасности, скорости перемещения и др. Если эти правила и должны меняться со временем, то, конечно, не одновременно, а на основе преемственности. Нигилисты вообще не упоминают о преемственности, ибо тогда пришлось бы и об отрицании говорить в строго категориальном значении, вспомнить гегелевское «отрицание отрицания» с удержанием положительных сторон и т. д. Характерно следующее замечание Парсонса о тех, кто стремится «противопоставлять “бога” “мамоне” или “духовное” “материализму” так, как бы вообще не было никаких позитивных моральных ценностей у противоположной стороны»⁴⁰. Парсонс не упоминает об инвективах Ницше в адрес христианства, хотя, кажется, имеет их в виду, говоря о том, что «некоторые течения христианства атакуются не только по линии терпимости их к проституции и некоторым сексуальным извращениям, но также и по линии принятия высочайшего идеала супружеской любви. Оста-

рый ценностный конфликт, с неизбежностью вытекающий из таких нападков, помогает сохранению радикальности таких движений, давая начало порочному кругу девиации»⁴¹. Можно добавить, что именно такой процесс приводит к нигилистическому отрицанию христианской морали вообще, к христианофобии. Современные неоллибералы забывают, что права человека, которые они защищают, родились из христианского учения, христианской морали. И здесь путь отрицания корней, нигилистический путь, ведет в никуда.

Характеризуя второй случай девиантности, Парсонс подчеркивает: «Очевидно, что такая концепция девиантности, как нарушения равновесия системы взаимодействия, – весьма важная перспектива для анализа социальных систем»⁴². Идя по такому пути и развивая концепцию Р. Мертон, автор строит развернутую схему классификации форм девиантности. Нетрудно заметить, что ряд из этих форм, например мятежность, агрессивность, доминирование, компульсивная (навязчивая) зависимость, характерны и для нигилизма, по крайней мере, в плане психологии. Парсонс активно защищал идею «равновесия» вопреки обвинениям в апологетике, сохранении статус-кво и т. п. Применительно к теме девиантности смысл равновесия в том, что оно фиксирует ту позицию, относительно которой можно говорить об отклонениях. Для нигилизма разрушение равновесия – исходный мыслительный и практический принцип. Так, Базаров постоянно говорит «мы» от имени, как он считает, нового поколения – «детей». Предполагается, что «они» – это «отцы» – «стариками», пассеисты, ретрограды и пр.; их ценности, идеалы, жизненные смыслы отрицаются «детьми». Это и есть радикальный, воинствующий нигилизм. В отличие от него поведение, например, семьи Лыковых, ушедшей от мира в необитаемую тайгу, отказавшись от благ цивилизации и ее соблазнов, является одной из форм девиации.

¹ Мертон Р. К. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль. М., 1996. С. 439.

² Ницше Ф. Воля к власти. СПб., 2006. С. 152.

³ Шавель С. А. Убеждения как мировоззренческое ядро личности: историко-социологический анализ // Социология. 2010. № 1. С. 42.

⁴ Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М., 1998. С. 339.

⁵ Там же.

⁶ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 143, 213.

⁷ Богословский Н. Тургенев. М., 1964. С. 310.

⁸ Там же. С. 317.

⁹ Там же. С. 331.

¹⁰ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М., 1990. С. 301.

¹¹ Он же. Воля к власти. С. 111.

¹² Там же. С. 80.

¹³ Там же. С. 78.

¹⁴ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. С. 49, 57.

¹⁵ Ницше Ф. Воля к власти. С. 111.

¹⁶ Цит. по: Георгиева Т. С. История русской культуры. М., 1990. С. 301.

¹⁷ Там же. С. 436.

¹⁸ Ницше Ф. Воля к власти. С. 27.

¹⁹ Там же. С. 32.

²⁰ Там же. С. 340.

²¹ Там же. С. 32.

²² Там же. С. 220.

²³ Сиповский В. Д. Сократ и его время. СПб., 1910. С. 101.

²⁴ Там же. С. 224.

²⁵ Там же. С. 33.

²⁶ Дюркгейм Д. Социология. М., 1995. С. 29–30.

²⁷ Там же. С. 374.

²⁸ См.: Челаков В. Ученые и открытия. М., 1987. С. 345.

²⁹ Ницше Ф. Воля к власти. С. 103.

Биографии ученых

³⁰ Одуев С. Ф. Тропами Заратустры. М., 1976. С. 15.

³¹ Мамардашвили М. К. Из лекций по социальной философии // Социол. журн. 1994. № 3. С. 33.

³² Розонов В. В. Сумерки просвещения. М., 1990. С. 462.

³³ Там же. С. 17–18.

³⁴ Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Проблема человека в западной философии. М., 1966. С. 307–308.

³⁵ Там же. С. 311.

³⁶ См.: Мамардашвили М. К. Из лекций по социальной философии.

³⁷ Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002. С. 53.

³⁸ Там же. С. 361.

³⁹ Там же. С. 360.

⁴⁰ Там же. С. 437.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

Поступила в редакцию 31.08.10.